

ДИСКУРСИВНАЯ АНТИТЕЗА: ПРИРОДА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Беззубикова Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а; Астраханский государственный медицинский университет, 414000, Россия, ул. Бакинская, 121, e-mail: mv55@yandex.ru.

Кайгородова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kin905@mail.ru.

Статья посвящена дискурсивной антитезе, которая рассматривается как яркий лингвостилистический феномен. В статье исследуются дискурсивные антитезы, определяются когнитивно-семантические свойства, определяется их роль в художественном дискурсе.

Ключевые слова: антитеза, дискурс, дискурсивная антитеза, художественный текст, образ

DISCOURSE ANTITHESIS: NATURE AND FUNCTIONING

Bezzubikova Marina V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st.; Astrakhan State Medical University, 414000, Russia, Astrakhan, 121 Bakinskaya st., e-mail: mv55@yandex.ru.

Kaigorodova Irina N., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., 20 a, e-mail: kin905@mail.ru.

The article is devoted to the discursive antithesis, which is considered as a vivid linguistic and stylistic phenomenon. The article examines the discursive antithesis, are determined by the cognitive-semantic properties that determines their role in the artistic discourse.

Keywords: antithesis, discourse, discourse antithesis, artistic text, image

История развития учений об антитезе начинается с античных времён и продолжается до наших дней. Универсальный характер антитезы позволяет не только выявить её особенности функционирования в различных типах дискурса, но и обозначить сложность этого феномена. Психологическая основа (ассоциация по контрасту) и логическая основа (противоположные и противоречащие понятия) также вызывают многообразие интерпретаций этого «семантического явления» [4, с. 61]. В статье исследуется дискурсивная антитеза, которая представляет собой продукт индивидуального видения фрагмента действительности и рассматривается с позиции когнитивно-дискурсивного направления. На наш взгляд, именно такой подход даёт возможность рассмотреть когнитивные, прагматические и социокультурные особенности этого феномена в художественном дискурсе.

Лексическим наполнением антитез, как правило, выступают антонимы. Однако в художественных произведениях существуют антитезы, не являющиеся языковыми антонимами. Как заметил И.Р. Гальперин, реализация антитезы осуществляется не только приёмом соположения противоположных явлений, но и вовлечением в орбиту противопоставления слов, не выражающих своими узуальными значениями противительных признаков [2, с. 243]. Такое утверждение актуально для понимания дискурсивной антитезы. Рассмотрим, как данный посыл реализуется в рассказе А.И. Солженицына «Один

день Ивана Денисовича»: *Только тут прострельнуло Шухова, в чем дело. На Кильдигса глянул – и тот уже понял. Толь! Толь увидел на окнах. За себя Шухов ничуть не боится, бригадир его не продаст. Боится за бригадира. Для нас бригадир – отец, а для них – пешка. За такие дела второй срок на севере бригадиру вполне паяли.* Противопоставление признаков референта создается на основе понятий *отец* и *пешка*. В процессе формирования антитезы происходит переосмысление плана содержания её компонентов, что в результате приводит к проникновению противоречивых смысловых элементов в ядерные зоны лексических семем. Под воздействием дискурса осуществляется переосмысление значений слов *отец* и *пешка*, в результате которого актуализируются взаимоисключающие смысловые элементы: «необходимый, ценный» и «ненужный, непотребный». Необходимо отметить, что смысловая организация антитезы сопровождается актуализацией противоречивых и взаимоисключающих смысловых элементов. Такие дискурсивные антитезы обладают яркой образностью, эмоциональной насыщенностью, но не обладают устойчивой смысловой организацией.

Е.В. Фурсова выделяет антитезные конструкции, «в формировании которых наряду с языковыми антонимами участвуют единицы, которые в парадигматике не выражают противоположных значений. При этом наличие антонимов, употребляемых в специальной антитезной конструкции, обеспечивает реализацию контекстуального антонимирования слов, значения которых не являются противоположными, но заключают в себе потенциальные возможности для контрастного противопоставления» [5, с. 44]. Например, в рассказе А.И. Куприна «Жидовка» прилагательные-антонимы создают дискурсивную антитезу: – *Вот я гляжу на неё и чувствую, как за ней раскрывается чёрная бездна веков. Здесь чудо, здесь какая-то божественная тайна. О, что же я, вчерашний **дикарь**, а сегодняшний **интеллигент**, – что я значу в её глазах, что я значу в сравнении с этой живой загадкой, может быть, самой необъяснимой и самой великой в истории человечества?* Антонимы *вчерашний* – *сегодняшний* обозначают противоположности объективного мира: *вчерашний* – 1. Недавно бывший кем (чем)-нибудь; 2. Устарелый, несовременный [3, с. 108]; *сегодняшний* – Относящийся к настоящему времени, происходящий сейчас [3, с. 708]. Объективный контраст выявляет логическую полярность явлений, что и позволяет расценивать лексемы *дикарь* и *интеллигент* компонентами дискурсивной антитезы и создавать динамический образ героя рассказа. Более того, одинаковое расположение в параллельных конструкциях компонентов актуализирует контраст значений элементов каждой пары и создаёт стилистический эффект.

Дискурсивная антитеза в рассказе А.И. Куприна «Как я был актёром» используется для концептуализации ситуации, которая происходила в прошлом героя рассказа: *Эту печальную и смешную историю – более печальную, чем смешную, – рассказывал мне как-то один приятель, человек, прошедший самую пёструю жизнь, бывавший, что называется, **и на коне, и под конём**, но вовсе не утративший под хлыстом судьбы ни сердечной доброты, ни ясности духа.* Контраст антитезы создаётся с помощью предлогов: *на* – употребляется при обозначении поверхности, на которой сверху располагается или куда направляется что-либо [3, с. 373]; *под* – ниже чего-нибудь, со стороны нижней части чего-нибудь [3, с. 531]. Предлоги выражают направление и несут дополнительную нагрузку. При восприятии дискурсивной антитезы учитываются ментальные ресурсы сознания и работа лингвокреативного мышления. Специфика антитезы заключается в том, что при их восприятии лингвокреативное сознание носителей языка, балансируя на шкале между полюсами «сходство» и «различие», ненадолго останавливается на сходстве. Сходство – зафиксированный в сознании и означенный словом (синтагмой, высказыванием, текстом) фон, на котором внимание тяготеет к различиям,

поскольку именно в последних заключается новизна свойств познаваемых объектов [1]. Важную роль в адекватной интерпретации дискурсивной антитезы играют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

Дискурсивная антитеза в текстах художественной литературы может быть весьма разнообразной и неожиданной. Например, как в рассказе К.Г.Паустовского «Потерянный день»: *Было не ясно, чем все это кончится, но под кузовом, переходя с фальцета на бас, завыл воздух. Спустила камера. Шофер остановил машину и нехотя вылез.* Компоненты стилистической фигуры относятся к музыкальной сфере: *фальцет* – «очень высокий звук голоса (обычно мужского), а также вообще тонкий, высокий (обычно мужской) голос» [3, с. 848]; *бас* – «самый низкий мужской голос» [3, с. 37]. Логической основой антитезы является установление ограничительных возможностей проявления признаков: «высокий, тонкий» и «низкий». Однако для реализации антитезы необходимы дополнительные оттенки значений, которые возникают в дискурсе.

Так, в рассказе Л.Е. Улицкой «Цю-юрихь» наблюдается дискурсивная антитеза, содержащая ценностный компонент концепта: *Все эти женщины тоже ходили в обуви от Балли, носили норковые шубы и часы «Ориент», и Лидии было даже обидно, что для них это обыденная жизнь, и не могла же она им объяснить, что все они глупые домашние куры, а она, Лидия, птица высокого полета, потому что они-то родились в Швейцарии, в куске сливочного масла, а она, Лидия, – в избе с земляным полом и соломенной крышей, до пятнадцати лет ходила либо в валенках, либо босиком, а штаны первые завела уже в Москве, когда, по большому везению, попала в прислуге к хорошей барыне, а до того ходила без порток, как все белорусские крестьянки....* Противопоставление главной героини и других женщин выражается через образы: себя главная героиня соотносит с *птицей высокого полета*, а остальных женщин – с *домашними курами*. Представленные различные концепты в дискурсивной антитезе делает повествование более информативным, позволяет дать разностороннюю характеристику героям рассказа, различные знания извлекаются как из самого рассказа, так и из индивидуального опыта читателя. Посредством дискурсивной антитезы передаётся чувство героини, её душевное состояние.

Как известно, любой языковой элемент в художественном дискурсе представляет авторскую картину мира, поэтому воздействие на читателя опосредовано спецификой поэтического языка и особенностями авторских установок и приёмов.

В следующем примере прилагательные *свинцовый* и *серебряный* в рассказе становятся антонимами: *Свинцовый век, пришедший на смену серебряному, разметал по свету утонченных юношей, порочных гимназистов и милостивых послушников, оставив для Николая Романовича и ему подобных опасные связи с алчными и жестокими молодыми людьми, с которыми ухо остро, потому что предадут, разоблачат, оклеветают, посадят....* Так, *свинцовый* и *серебряный* под воздействием дискурса становятся антонимами: плохой – хороший. Для адекватного понимания дискурсивной антитезы необходим учёт прагматических, когнитивных и социокультурных факторов. В качестве адресанта в рассказе Л.Е. Улицкой «Голубчик» выступает повествователь, который даёт личностный комментарий по поводу жизни главного героя – профессора философии Николая Романовича. Через дискурсивную антитезу повествователь стремится оказать воздействие на адресата (читателя). В данном примере, попадая в фокус внимания повествователя, компоненты антитезы несут новую значимую информацию: *свинцовый* (век) и *серебряный* (век) – выражают содержательный план стилистического приёма и формируют прагматический потенциал дискурсивной антитезы. Её компоненты представлены метафорическими эпитетами: образ, являясь схематической структурой цели, пе-

реносится в схематическую структуру источника. Причём, дискурсивная ситуация указывает, какие именно компоненты источника переносятся для реализации этой конструкции как антитезной. Более того, концептуализация ситуации основана на фоновых знаниях и жизненном опыте читателя: прилагательное *свинцовый* ассоциируется с войной, с чем-то тяжёлым и неприятным; прилагательное *серебряный*, напротив, имеет положительную коннотацию, ассоциируется с чем-то благородным и достойным. Указывая на определённый фрагмент действительности, метафорические эпитеты конструируют определённую ситуацию и запускают творческий процесс. В структурном плане элементы антитезы выражены прилагательным, выступают в качестве однородных членов и выполняют одинаковую синтаксическую функцию.

Основой дискурсивной антитезы в художественных произведениях могут являться метонимические концепты, которые репрезентируют различные явления в рамках её связи с другими явлениями. Основание метонимических концептов очевидно, так как метонимия обычно содержит явные указания на физические или причинные ассоциации. Рассмотрим антитезную конструкцию, использованную Л.Е. Улицкой в повести «Сонечка», когда у главной героини умирает муж: *На следующий день к двенадцати стал стекаться народ. И представить себе нельзя, сколько набежало людей на эти похороны. Пришли старые, маститые, заработавшие мозоли и медали на изготовлении парадных портретов кого надо, пришли средние, умеренно новой волны, пришли и те, кого на порог не пускали почтенные члены Союза, – шпана, лианозовщина, авангард драный*. Компоненты дискурсивной антитезы представлены чёткой оппозицией, первый компонент (*мозоли*) репрезентирует усердный труд, поскольку мозоли возникают у очень трудолюбивых людей, второй компонент (*медали*) – награду за усердный труд. Образы, возникающие в дискурсивной антитезе, обладают ценностными ассоциациями, возникающие как под воздействием самого текста, так и из индивидуального опыта читателя, а также позволяют дать разностороннюю характеристику события или явления.

Рассказ А.И. Куприна «Святая ложь» начинается с описания главного героя, а дискурсивная антитеза помогает ярче представить этот образ: *«Иван Иванович Семенюта – вовсе не дурной человек. Он трезв, усерден, набожен, не пьёт, не курит, не чувствует влечение ни к картам, ни к женщинам. Но он самый типичный из неудачников. На всем его существе лежит роковая черта какой-то растерянной робости, и, должно быть, именно за эту черту его постоянно бьёт то по лбу, то по затылку жестокая судьба, которая, как известно, подобно капризной женщине, любит и слушается людей только властных и решительных»*. Компоненты антитезы создают определённые пространственно-временные рамки описываемого события в тексте. Они являются своеобразными координатами при описании того, как развивается действие, состояние, признаки, свойства. Дискурсивная антитеза передаёт и формирует знания, которые являются частью когнитивной обработки художественного произведения.

Новое знание формируется в художественном дискурсе за счет или уже имеющихся языковых средств, или созданных автором. Хотя все они реализуются в художественном дискурсе и имеют творческий характер. В произведениях анализируемых жанров на основе узуальных антитез возникают дискурсивные. Так, например, в рассказе А.И. Куприна «Канталупы» на основе языковой антитезы *душа и тело* возникает дискурсивная антитеза: *Как и большинство молодых девушек, бессознательно чуть-чуть влюблённых в мужей своих старших сестёр, Софочка наивно льнёт к Бакулину сердцем и телом*. Обновлённая антитеза обладает большей образностью и выразительностью и приобретает добавочное значение. Образ *сердца* является тем органом человека, с которым связано способность любить.

В рассказе А.Н. Толстого «Мишука Налымов» компоненты дискурсивной антитезы приобретают ценностную ориентацию в тексте и приобретают дополнительные наслоения. Герою рассказа Мишук Налымову соседи стали говорить, что его поведение недостойно дворянина. В своё оправдание Мишука рассказал следующее:

– *Северюгин под утро в уборную пошёл, – сказал Мишука, – в коридоре увидел лакея без фрака, – тот окошки моет... «Как, – говорит он ему, – ты смеешь при мне без фрака». И принялся его колотить. А лакей – Евдоким – у моего ещё отца в казачках был, всех нас помнит, – почтенный. Северюгин вернулся из уборной в мой номер и рассказывает, как он бил Евдокима... «Понимаете, – говорит, – я **суконный фабрикант**». А я ему говорю: «Ты – хам, тебя на **ситцевого** переворочу...» Он обиделся, я его толкнул и – угодил в дверь... Только и всего. Сукно – шерстяная или хлопчатобумажная плотная ткань с гладкой поверхностью [3, с. 779] – ценилось, обладало лучшим качеством в отличие от ситца – лёгкой хлопчатобумажной ткани [3, с. 719]. Более того, данная антитеза выполняет функцию сохранения целостности и связанности текста. Так, в рассказе *суконный* выполняет роль ключевого слова: *Пётр Леонтьевич в то же время пытался поправить свои сильно запутанные дела: построил **суконную** фабрику, но не застраховал, считая, что страховка – величайший из грехов; Никита несколько раз ездил в Симбирск, в Опекунский совет, в дворянский банк. Дом чистился. В каретнике обивали новым **сукном** коляску.**

Использование дискурсивной антитезы в текстах анализируемых жанров активизирует поисковую и эмоционально-оценочную деятельность человека. Дискурсивная антитеза способна реализовывать концепты в их крайних проявлениях. «В качестве одного из важнейших признаков категориального статуса концептов отмечают их антонимический характер, наличие бинарной оппозиции как конститутивного признака концепта» [5, с. 114]. В рассказе М.А. Шолохова «Батраки» дискурсивная антитеза выражает концепт «возраст»:

– *Лодыря корчишь, сукин сын! Я тебя выучу! Жрать-то вы **мужики**, а работать **мальчишки**!* Ситуация представлена диалогом между богачем Захаром Денисовичем и батраком Фёдором, который работал за мизерную плату. Высказывание исходит от Захара Денисовича, который, пользуясь безвыходным положением Фёдора, эксплуатировал и несправедливо относился к своему работнику. Интерпретация дискурсивной антитезы не исчерпывается толкованием значений семантических компонентов (*мужики*, *мальчишки*), а предполагает учитывать все виды знаний и процессы, которые участвуют в выявлении различий между характеристиками одного объекта.

Противопоставляться могут целые конструкции. В повести А.И. Куприна «Жанета» для описания природы перед грозой используется антитезная конструкция: *В Булонском лесу этот **взбалмошный ветер** раскачивает, треплет, рвёт и ерошит старые, могучие, шумящие деревья и крутит их шипящие от злобы вершины, как половые мётла. Он то **заголит** всю листву **на светлую изнанку**, то внезапно перевернёт её **на тёмное лицо**, и от этой размашистой игры весь лес то мгновенно **светлеет**, то сразу **темнеет**.*

Таким образом, художественно-выразительные свойства дискурсивной антитезы образуются при помощи контрастности взаимодействующих компонентов. Её наглядно-образный эффект обеспечивается единством двух психических явлений – противопоставления и совмещенного видения двух картин. Дискурсивная антитеза открывают возможности более глубокого проникновения в художественную картину, а когнитивно-дискурсивный подход предполагает учитывать лингвистические и экстралингвистические факторы. Она обладает огромным прагматическим потенциалом и информативной насыщенностью, что является необходимым для художественного дискурса.

Список литературы

1. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц / Т. Г. Бочина. – Казань : Казанский ун-т, 2002. – 196 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // РАН ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
4. Скребнев Ю. М. Тропы и фигуры как объект классификаций / Ю. М. Скребнев // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов : Ростовский ун-т, 1987. – С. 60–65.
5. Фурсова Е. В. Дискурсивные параметры стилистического приёма антитезы: на материале англоязычного художественного текста : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Фурсова. – М., 2008. – 182 с.

References

1. Bochina T. G. *Stilistika kontrasta : ocherki po jazyku russkih poslovic* [Contrast style: essays on the language of Russian Proverbs]. Kazan, Kazanskij un-t publ., 2002, 196 p.
2. Gal'perin I. R. *Stilistika anglijskogo jazyka* [Style of English]. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah publ., 1958, 459 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [RAS, Institute of Russian language. V. V. Vinogradova]. 4nd ed. Moscow, A TEMP publ., 2004, 944 p.
4. Skrebnev Ju. M. *Tropy i figury kak obekt klassifikacij* [Paths and figures as object of classifications]. *Problemy jekspressivnoj stilistiki* [Problems of expressive stylistics]. Rostov, Rostovskij un-t publ., 1987, pp. 60–65.
5. Fursova E. V. *Diskursivnye parametry stilisticheskogo prijoma antitezy: na materiale anglojazychnogo hudozhestvennogo teksta* [Discursive parameters of the stylistic method of antithesis: by the material of the English literary text]. Moscow, 2008, 182 p.